

ПЛУТАРХ АФИНСКИЙ И АФИНСКАЯ ШКОЛА (ок. 390-432 гг.)

А.М. Болгова

В работе предпринята попытка дать общий очерк жизни и деятельности философа-неоплатоника из Афин Плутарха (ок. 350-432 гг.), основателя Афинской школы неоплатонизма – Академии, просуществовавшей почти полтора века (ок. 390-529 гг.). Подчеркиваются личные качества Плутарха как схоларха и излагаются основы его идей, реконструируемые по изложению несохранившихся сочинений.

Ключевые слова: Плутарх Афинский, Афинская школа, неоплатонизм, схоларх, философия.

PLUTARCH OF ATHENS AND ATHENIAN SCHOOL (NEAR 390-432 A.D.)

A.M. Bolgova

An attempt to give a general sketch of the life and activities of the Neo-Platonist philosopher Plutarch of Athens (near 350-432 A.D.). The founder of the Athens School of Neo-Platonist - the Academy has existed for almost half a century (near 390-529 A.D.). Emphasizing personal qualities, are like Plutarch the Sholarh and sets out the basis of his ideas, reconstructed on presentation of unpreserved compositions.

Keywords: Plutarch of Athens, School of Athens, Neo-Platonism, Sholarh, philosophy.

Плутарх Афинский - позднеантичный философ-неоплатоник конца IV - V вв., основатель Афинской философской школы неоплатонизма.

Отца Плутарха звали Несторий; дед Плутарха, которого звали так же, был жрецом в Афинах, занимался астрологией и психотерапией; известно также имя дочери Плутарха — Асклепигения.

Плутарх — основатель и глава Афинской школы неоплатонизма¹ (названной по традиции «афинской Академией»), которую он после большого перерыва фактически возобновил в своем частном доме. Одним из самых известных учеников Плутарха был Гиерокл Александрийский. Сочинения Плутарха Афинского полностью не сохрани-

¹ См. подробнее: *Watts E.J.* City and School in Late Antique Athens and Alexandria / The Transformation of the Classical Heritage 41. Berkeley - Los Angeles, 2006. Ch. 4.

лись. О нем нам известно в основном из эпитомы патриарха Фотия (Bibl., cod. 242), «Жизни Марина» Прокла и Суды.

Если Несторий считается первым известным афинским неоплатоником, то неоплатоническое учение упрочивается в городе в результате дел его потомка Плутарха¹.

В отличие от Нестория, Плутарх был привержен как практике, так и учению ямвлиховской (т.е. религиозной, теургической) системы неоплатонизма². Он был одаренным экзегетом и способным учителем, эффективность которого выросла за счет необычайно харизматичной личности³.

Академия Плутарха была основана в последнем десятилетии IV в.⁴, и в 400 г. школа и ее основатель уже приобрели такую известность, что постоянный приток студентов начал прибывать со всего Средиземноморья, чтобы учиться у него⁵. Он, как известно, привлекал студентов к философии из Афин, Сирии и Ликии. Он также учил студентов, которые поступали в школы риторики в городе, но желали полу-

¹ Их отношения неясно описаны в античных источниках. Марин (Vit. Procl. 12, 28), так же, как и Прокл (In Rep. II. 64.6), кажется, считают Нестория дедом Плутарха. На основе сообщения Дамаския (Vit. Is. Ath. 64; Зингеном не включено), П. Афанассиади (The Philosophical History. Athens, 1999. P. 173, n. 149) утверждает, что Плутарх был сыном Нестория.

² Hierocl. On Providence 214.173a очень кратко утверждает место Плутарха в традиции ямвлиховской мысли.

³ Плутарх является автором большого количества философских комментариев, но они сохранились лишь во фрагментах, цитируемых другими неоплатониками. Собрание источников о его карьере см.: *Taormina D.* Plutarco di Athene. Rome, 1989. P. 107-144.

⁴ Дата основания неясна, но ее влияние могло начать ощущаться с конца 390-х гг. Э. Эввар (Evrard E. Le maître de Plutarque d'Athènes et les origines du Neoplatonisme Athenien // L'Antiquité Classique. 29. 1960. P. 109) помещает рождение Плутарха приблизительно на 350 год; эта дата ведет к ранней датировке основания школы. Это приближение основывается на неопределенном указании в Vit. Procl. 12, что Плутарх умер в преклонном возрасте в 434 г. Это делает дату рождения в конце 350-х гг. или начале 360-х гг. более приемлемой. Несмотря на некоторые обратные утверждения, Академия Плутарха была заново основана как неразрывно связанная со знаменитой школой Платона. Об этом см.: *Glucker J.* Antiochus and the Late Academy. Gottingen, 1978. P. 322ff; *Blumenthal H.J.* 529 and its Sequel: What Happened to the Academy? // Byzantion. 48. 1978. P. 369-385.

⁵ Об этом процессе см.: *Watts E.* Student Travel to Intellectual Centers: What Was the Attraction? // Travel, Communication, and Geography in Late Antiquity / Ed. L. Ellis, F. Kidner. Aldershot, 2004. P. 11-21.

чить образование и в области философии¹. Однако, представляется, что самый успешный набор студентов Плутархом был сделан в Александрии². Гиерокл, Сириан и Прокл, его три самых выдающихся студента, все поступили в его школу именно из этого города.

Гиерокл и Сириан должны были прибыть в Афины около 410 г., и тот факт, что они предприняли такое путешествие, кажется, предполагает, что существовало значительное различие между обучением, которое пришло в школу Плутарха, и родом философии, представленном, в свою очередь, в Александрии в V в.³ В VII книге сочинения Гиерокла «О Провидении» (ныне сохранившейся лишь в эпитоме Фотия), он пишет: «учение, исповедуемое Аммонием, Плотиним и Оригеном, распространилось вплоть до Порфирия и Ямвлиха и их последователей (на всем протяжении священного племени). Это верно для времени Плутарха, который учил меня этим доктринам. Все эти люди

¹ Одной из известных его афинских студенток была его собственная дочь Асклепигения (Vit. Procl. 28), которая, очевидно, представляет особый случай. Ликийский ритор Николай прошел обучение у Плутарха. Вероятно, это было дополнительное обучение, которое он получил одновременно с риторическим (Vit. Is. Ath. 64; не включено Zinten; ср. Suda N 394). Кроме того, сириец Однат был также привлечен в школу Плутарха и обучался там (Vit. Is. Ath. 65; Z. Fr. 142). Домнин, известный, прежде всего, как студент Плутархова преемника Сириана, был, вероятно, изначально привлечен в школу, когда Плутарх руководил ею. Фрагмент из «Жизни Исидора» (Vit. Is. Ath. 89A; Z. fr. 218) описывает визит, который он нанес Плутарху в афинское святилище Асклепия, что, кажется, подтверждает это.

² Близкие отношения между афинским и александрийским философскими сообществами также кратко описаны: *Vinzent M.* «Oxbridge» in der ausgehenden Spatantike Oder: Ein Verleich der Schulen von Athen und Alexandrien // *Zeitschrift für Antikes Christentum.* 4. 2000. S. 52-55. См. также дискуссию об этом: *Ruffini G.* Late Antique Pagan Networks from Athens to the Thebaid // *Ancient Alexandria between Egypt and Greece* / Ed. W.V. Harris, G. Ruffini. Leiden, 2004. P. 241-257. Применение концепта социальной сети к интеллектуалам интригует, но в отсутствие более широкой подборки дат эта теория мало что дает, чтобы вывести нас за пределы узкой сети выдающихся интеллектуалов, намеренно сконструированной авторами наших источников.

³ Характер александрийского образования в V в. обсуждается на протяжении большей части главы 7 книги Э. Уоттса. Тем не менее, яркое (хотя и ненаучное) указание на неямвлихов фокус ее наиболее известных школ проистекает из цитат писем Синезия, одного из бывших студентов Александрии. В этих сочинениях 126 раз упоминается Платон, 20 Аристотель, 9 Плотин, 3 Порфирий и 9 Ямвлих (см. *The Letters of Synesius of Cyrene.* Oxford, 1926. P. 16). Конечно, эти цитаты отличаются от четких ссылок, сделанных для Плутарха и Ямвлиха в сочинениях последователей Плутарха.

находились в согласии с философией Платона и прославили эти учения в чистом виде»¹. Для Плутарха и его последователей те учителя, которые не следовали положениям учения Ямвлиха, считались отклонением от чистоты учения и четких интерпретаций учения Платона, которое они исповедовали.

Это различие стало причиной лучше документированного перехода студентов из философских школ Александрии в учреждение, возглавляемое Плутархом. Таких студентов как Прокл, эта школа привлекала, и причины этого движения устанавливаются в его биографии. «Вот при ком учился он в Александрии, пользуясь их близостью во всем, чем они были сильны. Когда же он стал замечать, что при чтении философов они предлагают толкования, недостойные философской мысли, то дальнейшими такими занятиями он пренебрег»². «Тотчас отправился он в Афины, сопутствуемый всей словесностью и всей философией, путеводимый богами и благими духами; это они указали ему стать блюстителем философии, чтобы прямой и незапятнанной оставалась преемственность платоновского учения. Это воочию было явлено в самом начале его путешествия, когда подлинно божественные знамения преуказали ему отцовский жребий и свыше назначенную долю преемника Платона»³. Прокл уехал в Афины из-за недостатка мастерства среди александрийских философов. Он уехал потому, что они не хотели или не изучали истинный смысл текстов. Прокл знал, что то, что он считал истинным, чистое учение Платона, было сохранено только Плутархом Афинским⁴.

Для таких язычников как Прокл школа Плутарха представляла главнейший (и наилучший) институт обучения ямвлиховому неоплатонизму в Восточном Средиземноморье. Нельзя сказать, что школа была посвящена исключительно религиозным аспектам неоплатонизма. В то время как на самом высоком уровне ямвлихова система имела глубоко религиозный характер, нижние уровни ямвлихова учения фокусировали внимание на более фундаментальных философских основаниях. В результате, в своей школе Плутарх продвигал также и нерелигиозные элементы философии.⁵ Основные направления философского обучения в школе Плутарха были, вероятно, бесспорными и были ориентированы на то, чтобы дать студенту базовые основания в философских традициях. Однако, на своем высшем уровне обучения

¹ Phot. Bibl. Cod. 214.173a.

² Vit. Procl. 10.

³ Ibid.

⁴ Ibid.

⁵ Vit. Is. Ath. 59E; Z. fr. 134.

школа Плутарха, по-видимому, обслуживала конкретную аудиторию языческих студентов, искавших философского научения, которое акцентировало бы именно религиозные аспекты дисциплины. Плутарх преуспел потому, что он смог утвердить этот тип обучения с непревзойденным мастерством.

Если таков был характер людей, связанных со школой Плутарха, то поражает довольно странное обстоятельство, что такое учреждение смогло процветать в Афинах во времена, когда влияние учителей пришло в упадок, и когда христианство заметно выросло. Это стало возможным, прежде всего, благодаря уникальным личным качествам Плутарха.

Плутарх был потомком знатной афинской семьи с длительной историей вовлеченности в местную культурную деятельность¹. Его афинские корни означали, что он и его семья были известны как в афинских курialesных кругах, так и в провинции Ахайя. Это также означает, что Плутарх естественно унаследовал круг афинских друзей и связей, через которые он мог рассчитывать на помощь. Эти вещи дали бы ему определенную меру личной и профессиональной безопасности в его работе по утверждению его школы в качестве главного центра языческого образования.

Плутарх явно извлек пользу из своего социального статуса, и он достойно выполнял свои гражданские обязанности, соответствующие человеку его положения. Три памятника V в., связанные с человеком по имени Плутарх, найдены в Афинах². В последние годы ученые развернули живую дискуссию о том, имеются ли среди них такие, что принадлежат схоластику Плутарху. В двух случаях из них такое определение является относительно уверенным. Первое (и наименее спорное) из них – чрезвычайно фрагментированная надпись, найденная близ Ликея, давно исчезнувшей школы Аристотеля. Когда она была повторно собрана из трех фрагментов, она оказалась посвящением, написанным типичным философским языком, который словно восстал для посвященного дара, поднесенного храму Плутархом.³

¹ О Плутархе и его семье см.: PLRE I, stemma 35. Если идентификация Плутарха в посвящении IG IV² 436-437 с предком Плутарха схоластика верна, то очевидна вовлеченность в культ Асклепия, уходящая вглубь в начало IV в.

² Это SEG 31, № 246 и IG II/III² 3818, 4224.

³ Эти три фрагмента каталогизированы в Музее Эпиграфики как 4878, 4713 и 8572. Они были впервые составлены вместе М. Митсосом в 1971 г. Реконструкцию надписи см.: Peek W. Zwei Gedichte auf den Neuplatoniker Plutarch // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 13. 1974. P. 201-274. Камень также упоминает Платона и Телесфора, божество, связанное с культом Асклепия.

Вторая надпись более информативна. Она гласит: «Народ Эрехтея поставил ее Плутарху, царю слов, оплоту крепкого благоразумия, кто нес Священный Корабль храма Афины, трижды потративший всё свое здоровье»¹. Несение Священного Корабля было центральным элементом Панафинейской процессии, одним из самых важных событий афинского гражданского и языческого религиозного календаря. Даже в V в. это событие оставалось важным (и дорогим для жителей) местным праздником, который требовал, чтобы его спонсор был уважаемым членом городской знати. Приняв такую выдающуюся роль в оплате процессии, Плутарх снискал значительный личный почет. Помимо религиозной роли в исполнении процессии, Панафиней были также важнейшим гражданским праздником. Спонсорство в нем было почетнейшим гражданским благодеянием для исполнения и, взяв на себя ответственность за нее трижды, Плутарх сам стал одним из лидеров гражданской общины².

Эти два памятника выявляют важную роль, которую Плутарх играл в спонсорстве афинских языческих культов и праздников.

Упоминание Платона убеждает, что именно Плутарх схолярх был тем человеком, которого почтили этим памятником. Связь с культом Асклепия – еще один маркер, который подтверждает такую идентификацию. Сам Плутарх был вовлечен в этот культ (Vit. Is. Ath. 89A; Z, fr. 218), как и один из его предков. В то время как эту афинскую надпись невозможно датировать, и она может мало что рассказать о деятельности Плутарха, она, по крайней мере, говорит о его интересе к обеспечению финансовой помощи языческим публичным культам.

¹ IG П/III² 3818.

² Так как как местный статус посвящаемого определен, отождествление Плутарха в этой надписи было предметом недавнего научного спора. Мнения варьировались от безусловного принятия (*Blumenthal H.* 529 and its Sequel. P. 573) до отказа от какой-либо ссылки (*Robert L. Epigrammes du Bas Empire.* Paris, 1948. P. 91-94; *Sironen E.* Life and Administration in Late Roman Attica // Post-Nerulian Athens: Aspects of Life and Culture in Athens, A. D. 267-529 / Ed. P. Castren. Helsinki, 1994. P. 46-48). Другие мнения в поддержку идентификации этого чествуемого с философом включены в кн.: *Fowden G.* The Pagan Holy Man in Late Antique Society // *Journal of Hellenic Studies.* 102. 1982. P. 51, n. 147; *Fowden G.* The Athenian Agora. P. 499; *Frantz A.* The Athenian Agora XXIV. P. 64-65. Несмотря на споры, эта надпись действительно кажется вырезанной в честь схоларха Плутарха. Как видно из Vit. Is. Ath. 105A; Z. fr. 273, Плутарх, вероятно, имел и богатство, и желание оказать поддержку Панафинейскому празднеству. В дополнение, вопреки утверждению Л. Робера, отметим, что язык надписи (включая спорную фразу «царь слов») превосходно подходит к позднеантичным надписям философов. В середине IV в. Григорий Назианзин (Ер. 24 В-С) описывает Фемистия как «царя слов», также находя время для комплимента его философскому образу жизни.

Третий памятник демонстрирует его готовность лично влиять на политические дела в городе. Это посвятельная надпись, вырезанная на статуе префекта претория Геркулия, которая была установлена в Библиотеке Адриана после восстановления здания в 418-410 гг. Она гласит: «Плутарх софист, распорядитель слов, установил сие для Геркулия, святого префекта, распорядителя законов».¹ Отождествление этого Плутарха со схоляром вызывает вопросы в основном по терминологии.

Учитывая усилия, которые философы и софисты предпринимали для того, чтобы отличить их друг от друга в предыдущие эпохи, настоящего слова «софисты» в надписи уже достаточно, чтобы сильно засомневаться в отношении определения посвящаемого как схоляра Плутарха². Однако, схоляры предприняли ряд действительных пунктов, которые должны были снять их нерешительность. Самое важное из этих дел - относительный риск различия, созданный между философами и софистами в позднеантичный период³. В этот период обозначение термина зависело от контекста, в котором он был использован; часто это могло обозначать просто «мудрый человек». В полемических сочинениях анахронистические различия могли быть использованы для акцентирования, но в общем использование терминов казалось поэтому почти синонимичным⁴.

В этом частном случае ясно, что, по причинам размера, анонимный автор этой эпиграммы, по всей видимости, нашел термины, достаточно близкие, чтобы разрешить замену краткого «софист» на более точное «философ»⁵. Эта эпиграмма написана дактилическим гекзаметром, общим для позднеимперских эпиграмм и, по существу, в ней нельзя согласовать три коротких стиха и слово «философ». Учитывая это ограничение, «софист» кажется более чем адекватным замещением. В результате, использование этого термина не должно исключать

¹ IG III² 4224.

² *Sironen E.* Life and Administration. P. 50-51.

³ Этот пункт осмыслен в: *Fowden G.* The Athenian Agora. P. 499. Фемистий, упомянутый выше, - лишь один из многих примеров, доказывающих мнение Г. Фудена. Фемистий был, практически говоря, и философ, и ритор, но в большинстве контекстов он был бы недоволен, если бы его назвали софистом.

⁴ Частичный интерес вызывает случай, описанный Синезием (Ep. 136).

⁵ *Blumenthal H.* 529 and its Sequel. P. 373 впервые обращает внимание на важность метрических проблем. Эпиграмма концентрируется на параллелизме между двумя идеями управления, и данная краткость текста нуждается в акцентуации этого параллелизма, требуемого автором. Строка, относящаяся к Плутарху в надписи, не допускает множества метрических аляповатостей.

идентификацию Плутарха схоларха с дедикантом этой статуи. Фактически, в свете публичной деятельности, к которой схоларх Плутарх, судя по всему, приложил руку, естественно возложить ответственность за эту надпись также и на него¹.

Памятник, который он воздвиг Геркулию, дает истинную картину глубины вовлеченности Плутарха в политическую жизнь Афин V в. Его статуя стояла на базе, воздвигнутой в память о роли, которую Геркулий сыграл в обновлении комплекса построек вокруг Библиотеки Адриана. Это обновление (перестройка) было крупным проектом, имевшим огромную важность как для афинских интеллектуалов, так и для отдыха афинского населения. Следовательно, человек, который поставил эту статую, выступал как агент (проводник) афинского интеллектуального сообщества, и как представитель всего города².

Эти три памятника показывают, что далеко не только на афинском политическом поле Плутарх служил важным покровителем в политических и религиозных делах города. Хотя глубокое вовлечение в языческие религиозные праздники афинской жизни могло показаться анахроничным некоторым из его афинских друзей, поведение Плутарха представляло собой последовательно традиционную деятельность, ожидаемую от богатого и знатного члена гражданской общины. Эта деятельность также должна была иметь позитивное влияние на политические позиции его школы. С тех пор как Плутарх стал одной из наиболее важных фигур в афинском гражданском управлении, он мог быть уверен, что дружба и связи дают ему безопасность через его общественную деятельность, выстраивая obstructивные полномочия во многом языческого афинского гражданского строя в поддержку его самого и его образовательного заведения.

Важность для Плутарха культивирования хороших местных отношений нельзя преувеличивать; это предотвращало местную оппозицию от вспышек возмущения против школы. Эти отношения также делали маловероятным, чтобы общее имперское недовольство религиозными аспектами язычества будет вредным для его школы. Таким же образом, локальный резонанс мог привлечь имперское внимание, а тихая местная помощь могла защитить от него. Имперское правитель-

¹ Несмотря на их надежды на то, был ли этот человек Плутархом схолархом, или нет, большинство ученых склонны идентифицировать этого дедиканта с человеком, прославленным за оплату Панафинейской процессии.

² База другой статуи имеет аналогичную надпись с креативной эпитафией, прославляющей Геркулия. Она была воздвигнута в то же самое время Априонианом, иначе не известным человеком, который также выглядит как софист (IG III/III² 4225).

ство само знало это достаточно ясно, и неоднократно ставило под угрозу жестоких наказаний местных чиновников, которые скрывали языческую активность «через фаворитизм ... или попустительство»¹. Даже когда такие вещи становились известными, имперское правительство могло показать отсутствие интереса в принятии мер против известных язычников, если такая деятельность угрожала важным людям или ставила под опасность общественный порядок². Став видимой скрепой афинской политической сцены, Плутарх мог посчитать фаворитизм и попустительство его деятельности следствием даже нарастающего внимания со стороны имперских властей.

Интегральная роль, которую такая фигура как Плутарх играла в безопасности продолжения существования его школы, давала намного больше, чем обычная важность вопроса о его преемнике. Даже в Афинах религиозный и политический климат для таких язычников, как Плутарх и его студенты, становился непредсказуемым³.

Чтобы его школа продолжила обучение доктринам, которых он придерживался, и чтобы сохранить верность себе, Плутарху было необходимо выбрать преемника и обеспечить ему упорядоченную передачу власти. Вследствие этого, в последние годы перед смертью Плутарх назначил своего преемника и отошел от обучения в отставку.

Плутарх избрал Сириана, одного из своих александрийских студентов, в качестве своего преемника. Приезд Прокла в это же время, когда происходило это назначение, означало, что мы на редкость хорошо информированы о том, как этот процесс затронул функционирование школы Плутарха. Прокл оставил Александрию ради Афин в 429 или 430 г. с желанием учиться в неоплатонической школе в этом городе (тогда ее возглавлял Сириан)⁴. Когда Прокл прибыл в Афины, он

¹ См., например, СTh 16.10.12.4.

² Феодосий, Гонорий и Аркадий – императоры, которые все знали и не преследовали многих язычников (включая Фемистия, учителя последних двоих). Кроме того, их репутация как избранных оппонентов язычества, возможно, способствовала инциденту в «Житии Порфирия, епископа Газского», в котором Аркадий не решался на санкции и нападения на храмы в Газе потому, что коренные жители города регулярно платили налоги (Vit. Porph. 41).

³ Например, в конце жизни Плутарх увидел церковь с конструкцией в виде тетраконха на территории своей любимой Библиотеки Адриана.

⁴ Поездка Прокла, очевидно, была хорошо спланирована заранее. Когда Прокл приехал в Афины, он немедленно попал к Николаю (Vit. Procl. 11). Ритор Николай был другом Прокла, который учился философии в школе Плутарха. Несмотря на притязания Марина, было неслучайным, что Прокл оказался под руководством Сириана (Vit. Procl. 11). Он имел определенные связи с Николаем, встретавшим его в порту. Это могло бы показаться неожиданным, если бы

встретил Сириана и поступил к нему учиться. В возрасте 19 лет Прокл был уже одним из продвинутых студентов¹. Он ожидал от риторического учебного плана, что он соответствует Александрийскому, и поэтому он также записался на некоторые курсы по философии, проводившиеся в городе². Тем не менее, большая часть его философского обучения, вероятно, состояла из курсов, предназначенных для студентов в области риторики как основной дисциплины. Прокл вошел в более серьезные философские исследования с александрийскими учителями³. Вполне вероятно, что Сириан, взяв юношу с таким багажом, не знал, рассматривать ли Прокла как нового члена школьных «гетайров», или поместить его в начальные классы с прочими студентами-новичками. Решая этот вопрос, Сириан привел Прокла на встречу с Плутархом.

Плутарх, по-видимому, допросил юношу и вышел, весьма впечатленный им. Марин сообщает: «Увидев юношу, ... тот безмерно ему обрадовался и с охотою предложил ему свои философские беседы, хоть по возрасту это было ему нелегко: был он уже глубоким старцем»⁴. Плутарх явно решил, что, так как Прокл показал такие рвение и перспективы, он возьмет на себя роль его наставника. Плутарх прочел два сочинения с Проклом – «О душе» Аристотеля и «Федон» Платона. Он также сделал его членом внутреннего круга школы⁵. Тем не менее, казалось, что Сириан нес большую часть ответственности за обучение и наставление Прокла. Мы знаем, например, что Сириан был особенно озабочен вегетарианской диетой Прокла и его способностью переносить тяготы обучения в таком строгом режиме⁶. Сириан обсуждал эти

в своей переписке Прокл также не спрашивал бы о школе Плутарха и возможности поступить в нее.

¹ Его возраст известен из Vit. Procl. 12.

² Vit. Procl. 8-10.

³ Это был, видимо, лучший путь к пониманию «общего чтения», которое он имел с александрийскими учителями, что описано в Vit. Procl. 10. Это было вызвано, прежде всего, его неудовлетворенностью, и привело его к отъезду в Афины.

⁴ Vit. Procl. 12.

⁵ Ibid. Обычно юный студент, изучавший неоплатонизм, нуждался в полном курсе Аристотеля до того, как приступить к изучению Платона. Однако, ничего не препятствует считать, что два из четырех комментариев, известных как написанные рукой Плутарха, были на соч. «О душе» и «Федон». Возможно, что это были тексты, которым Плутарх мог обучать нетерпеливого студента без больших усилий. Об остатках его комментариев см.: *Taormina D. Plutarco di Athene*. P. 137-138.

⁶ Vit. Procl. 12.

проблемы с Плутархом, и, после того, как Плутарх повторил свою озабоченность, но не показал тревоги, Сириан отложил их с удивлением к мнению своего наставника¹.

Раннее обучение Прокла показывает, как происходила передача власти в школе, возглавлявшейся Плутархом. Накануне приезда Прокла старый схоларх уже отходил от ежедневного преподавания и административных обязанностей, передав их Сириану. Сириан взял на себя проблемы набора и вступительного опроса студентов, а также большую часть вводного (пропедевтического) преподавания. Плутарх, судя по всему, продолжил вести некоторые занятия нижнего уровня, но, большей частью, его роль была, прежде всего, в том, чтобы наставить Сириана и учить его, как разрешать различные ситуации, которые возникали перед ними в школе. Следовательно, когда появился Прокл, Плутарх находился рядом, чтобы советовать Сириану о том, как управлять юношами и их разнообразными привычками. Хотя и находясь в отставке, Плутарх сохранял присутствие в школе так, что он мог учить своего преемника, как иметь дело со светскими аспектами работы такого учреждения.

Наставления, которые Плутарх дал Сириану по руководству и решению вопросов управления школой должны были согласовываться с делами по приготовлению его к политическим вызовам, с которыми он мог столкнуться как новый глава такого учреждения. Нет никакого текста, кроме «Жизни Прокла», который сохранился бы и дал бы намеки на эти вопросы, но не трудно представить суждения, которые Плутарх мог давать Сириану. Так как Сириан не был уроженцем Афин, для него было гораздо труднее играть видную общественную роль подобно той, что имел Плутарх. Тем не менее, Плутарх смог обеспечить, чтобы Сириан был связан со всеми важными друзьями и благотворителями школы. Он также советовал своему преемнику поддерживать эти отношения и воздерживаться от враждебных людей, противостоявших школе.

Из имеющихся свидетельств видно, что Сириан был уже хорошо подготовлен к руководству школой, когда Плутарх умер в 432 г. или около того.²

¹ После того, как он услышал совет Плутарха, Сириан ответил, с очевидным разочарованием, «Позволь ему [Проклу] изучить, что надобно, хотя бы и при этом воздержании, а там пусть он хоть с голоду умрет, если хочет» (Vit. Procl. 12). О богословском смысле этого обмена см.: *Edwards M. Neoplatonic Saints: The Life of Plotinus and Proclus by their Students. Liverpool, 2000. P. 75, n. 121.*

² Эта дата основывается на предположении, что Прокл родился в 412 г. Так как гороскоп Прокла, представленный Марином в «Жизни Прокла» противоречит

Недостаток сведений не позволяет уверенно реконструировать философскую концепцию Плутарха Афинского¹. Для построения своей философии Плутарх детально использовал «Парменида», вершину платоновского богословия, указав тем самым на характерный для своего времени синтез прогрессирующего магического теургизма, самой настоящей практической магии, с тонкой категориальной диалектикой.

Чтение Плутархом в Академии платоновских и аристотелевских текстов было той базой, на которой быстро выросли две традиции школьного платонизма V века: афинская и александрийская. Марин в жизнеописании Прокла (гл. 12) сообщает, что с Плутархом Прокл прочел «О душе» Аристотеля и «Федона» (или «О душе») Платона.

В сохранившихся изложениях концепции Плутарха почти невозможно реконструировать какие-либо его тексты в буквальном смысле. Тем не менее, он известен как комментатор Платона (известно, что он написал комментарии к диалогам «Федон», «Парменид», «Горгий») и Аристотеля («О душе»; известность и значительность этого комментария конкурировала с таким же комментарием Александра Афродисийского).

Как большинство поздних комментаторов, Плутарх стремился примирить и согласовать мнения Платона и Аристотеля там, где они, как кажется, высказываются о предмете по-разному. Он оказал влияние на позднейших комментаторов-неоплатоников (например, на Иоанна Филопона). В собственных трактатах он уделял внимание разработке учения о Едином и о Душе (особенно о ее главнейших способностях — способности составлять мнение ($\delta\beta\acute{\alpha}$) и представление ($\phi\alpha\upsilon\tau\acute{\alpha}\sigma\iota\alpha$)).

Главное положение философии Плутарха сводится к общему неоплатоническому учению о трех основных ипостасях — Едином, Уме, Душе. Пять уровней триипостасной теории Плутарх приводит в соответствие с первыми пятью гипотезами-ипостасями платоновского «Парменида». Первая ипостась у Плутарха именуется не «единым» и не «благом», но просто «богом». Вторая ипостась, как и характерно

некоторым биографическим деталям, которые он утверждает в данном тексте, эта дата остается частью более крупной проблемы и научного спора. О дате 412 г. см. полную аргументацию: *Jones A.* The Horoscope of Proclus // *Classical Philology*. 94. 1999. P. 81-88. О дате 410 г. см.: *Siovranes L.* Proclus: Neo-Platonic Philosophy and Science. New Haven, 1996. P. 26-27. См. также: *Edwards M.* Neoplatonic Saints. P. 112, n. 377, 378.

¹ Отсюда и далее текст в значительной мере основан на кн.: *Лосев А.Ф.* История античной эстетики. Последние века. Книга II. М.: АСТ – Харьков: Фолио, 2000. С. 5-9.

для неоплатонизма в целом, у Плутарха Ум, третья — Душа; но, развивая общую триипостасную теорию, Плутарх устанавливает четвертую ипостась в виде материального эйдоса (ἔνδλον εἶδος), а пятую — в виде «материи».

Что касается остальных гипотез, которых Плутарх насчитывает не восемь, как в «Пармениде» Платона, но девять (эту девятую гипотезу предполагали уже Порфирий и Ямвлих), то под шестой гипотезой Плутарх понимал чистую чувственность (то есть понимал эту гипотезу как нелепость); под седьмой — также нелепость, познания и познаваемого; под восьмой — учение о подобии знания, сновидческим и тeneвым образом; под девятой — само это «сновидческое воображение». Однако для развития общей концепции неоплатонизма большую важность представляет именно общая методология использования гипотез платоновского «Парменида».

Плутарху Афинскому принадлежит важное и почти уникальное для античности учение о фантазии: чувственные предметы приводят в движение нашу чувственность, а чувственность приводит в движение наше чувственное представление (φαντασία). Это образное представление, по Плутарху, отражает не только сами чувственные предметы, но и их формы, их *эйдос*, и эти формы в нём закрепляются. Фантазия возникает именно когда эти чувственные формы закреплены в сознании и специально в нём выражены; другими словами, образно-чувственные представления фантазии и не суть целиком образны и не суть не целиком чувственны. Поэтому Плутарх утверждал, что фантазия имеет для себя два источника, или два *предела*. Один предел направлен «ввысь» и относится к разуму (διανοητική). Другой же является «вершиной (κορυφή) чувственного ощущения». Но эта двойная природа фантазии, тем не менее, является чем-то единым и неделимым (по соответствию с двойной «высше-низшей» природой души у Плотина).

Таким образом, *фантазия* Плутарха обладает объединяющей и организующей функцией в сравнении с текучей чувственностью. Термин *φαντασία* настолько часто употребляется в греческом языке для обозначения пассивно-отобразительной чувственности, что русское слово «фантазия», которым он обычно переводится, ему по существу не соответствует; в современном смысле оно необходимо содержит в себе нечто активное и обязательно построительное, но ни в каком смысле не пассивно-отобразительное. И именно у Плутарха *φαντασία*, несомненно, обладает «современным» активно-построительным смыслом. При этом такое активно-построительное функционирование приписывается только *мировому разуму*, о котором прямо говорится, что

без этой фантазии он был бы бездеятельным, то есть ничего не осмысливал бы в окружающем его инобытии и, таким образом, вовсе не был бы разумом. Человек сам собой не является таким божественным разумом, но только причастен этому божественному разуму; и поэтому его разумная деятельность, или его *фантазия* в человеке налична только в меру этой причастности.

Творчески-построительная деятельность фантазии принадлежит только объективному миру, в котором основную роль играет божественный разум. Этот божественный разум, создавая материальную действительность, мыслит ее и тем самым творит ее, что и есть его «фантазия». Человек же только *подражает* этой божественной фантазии, и потому то подражает хорошо, то подражает плохо, а то и не подражает никак.

Заложенные Плутархом основы Афинской школы в самое ближайшее время после него достигли блестящего расцвета в период руководства школой великого Прокла (435-485 гг.).

ОСОБЕННОСТИ ПОЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА БОСПОРЕ В VI – 1-Й ТРЕТИ III В. ДО Н.Э.

С.Н. Прокопенко

В статье на основе анализа археологических и письменных источников рассматриваются особенности поземельных отношений на Раннем Боспоре. Автор попытался исследовать вопрос о доминировании в системе поземельных отношений малоземельной собственности и формирование крупного землевладения.

Ключевые слова: Боспор, хора, мелкая земельная собственность, крупная земельная собственность.

FEATURES OF THE LAND RELATIONS IN THE BOSPORUS IN VI – 1ST THIRD III C. BC

S.N. Prokopenko

The article based on the analysis of archaeological and written sources of discusses the features land relations in the early Bosphorus. The author has tried to explore the question of dominance in the system of smallholder ownership of land relations and the formation of large estates.

Key words: The Bosphorus, the chorus, small landed property, large landed property.